

Все, когда-нибудь, заканчивается. И однажды, настал день, когда створки раздвижных ворот открылись для Алика.

Ему было тридцать три года. В тюрьме он провел пятнадцать лет. У него не было ни семьи, ни дома, и не встретить он свою Аню, скорее всего, вернулся бы снова на нары.

В тот памятный день Алик бесцельно бродил по улицам, наслаждаясь свободой. Как жить дальше он не знал. Ни работы, ни друзей. Хотелось есть. Он присел в парке на скамью. Сидел долго, разглядывая прохожих. Вот, старик думает, что выгуливает собаку. Алик усмехнулся про себя: на самом деле, это собака его выгуливает.

На соседней скамейке парочка ссорится: девушка, что-то говорит, отчаянно жестикулируя, после чего парень вскакивает и уходит, не оглядываясь. Точно, она залетела, а он жениться не хочет.

А вот школьник, повесив нос и еле передвигая ноги, тащит домой портфель с двойками. Не дрейфь, малец, мы это уже проходили, ну, поколотят немного, но не убьют же, в самом деле.

А вот идет, прихрамывая, девушка. Глаза заплаканы, в руках сломанный каблук...

Придумать ее историю Алик не успел. Девушка взглянула на него большими, испуганными глазами, и он, сам не зная почему, вскочил ей навстречу.

– Сломался каблук? Но ведь это беда поправимая.

Девушка растерянно взглянула на худого, неброского мужчину и несмело произнесла:

– У меня только одна пара туфель.

И Алик почувствовал себя уверенней.

Всю жизнь он выполнял чьи-то приказы, невыполнение которых влекло за собой наказание. В родительском доме его оставляли без еды, а нередко и поколачивали. На зоне ко всему вышеперечисленному, добавился карцер.

Девушка ему не приказывала, ни о чем его не просила. Она просто по-детски ему пожаловалась!

У Алика защипало в горле.

– Подожди меня, я мигом.

Он не хотел этого, видит Бог. Но он просто не мог оставить тогда Аню в беде. И, не думая о последствиях, он просто зашел в ближайший обувной

магазин и украл женские туфли. Как украл? Профессионально. Как учили.

Девушка сидела там, где он ее оставил. Туфли оказались велики, но, подложив обрывки газеты в носок, можно было ходить.

– У меня нет таких денег, – начала, было, она, но Алик только улыбнулся в ответ:

– Не нужно денег, носи на здоровье!

Вот так они и встретились: выдавший виды тридцатитрехлетний Алик и молоденькая Аня, после детдома приехавшая в Мариуполь поступать в мед. Училище.

Он не делал ей предложения, не ухаживал, не дарил цветов. У него не было ни времени, ни опыта. Он просто сказал ей:

– Пойдем, распишемся. Нужно, чтобы все было по закону.

И все сразу встало на свои места. С ее легкой руки, Алик устроился на завод помощником токаря и уже через полгода получил третий разряд. Аня, окончив медицинское училище, работала в районной поликлинике. Они снимали угол у одинокой старушки и были счастливы. Аня знала о нем все и любила, а он был благодарен ей за предоставленный шанс и не раз повторял: «Я был никем до тебя, это ты сделала из меня человека!». А вскоре появился на свет маленький Вадик, точная копия Алика.

Когда Вадик немного подрос, Аня настояла на том, чтобы отыскать его деда.

– Это не по-человечески, – то и дело повторяла она, – он же родной тебе человек, а вдруг твой отец нуждается в помощи?

Алик долго не соглашался, но, в конце концов, уступил просьбам жены. Прошло более двадцати лет с тех пор, как невзрачный, озлобленный парень променял ненавистный ему дом на тюремные нары. И вот он снова здесь. Уже не тот, запуганный, вечно голодный подросток, скрывающий от всех свой полный ненависти взгляд.

Алик с трудом узнал дом. Если бы не номер на воротах, прошел бы мимо. А ведь когда-то давно, этот дом казался ему дворцом, гордо красовавшимся среди саманных хибар.

Отбросив неприятные воспоминания, Алик уверенно зашагал к покосившейся, давно не крашенной двери.

На стук вышла незнакомая женщина.

– Вам кого? – неприветливо спросила она, вытирая руки о грязный передник.

– Мне бы Леонида или его жену, – произнес Алик.

– А Вы кто им будите? – женщина неприветливо прищурила маленькие глазки.

– Я здесь жил когда-то, давно.

Во время диалога Аня старалась не выпускать крошечную ручку сына из своей ладони, и держалась поодаль.

Женщина смерила Алика взглядом с головы до ног, и неприятно, хохотнула:

– Так ты мой сводный братец? Ну и ну! Тебя когда выпустили?

У Алика помутилось в голове. Значит, у них был ребенок. Это ни на что не похожее существо -- его сестра.

– Тамбовский волк тебе братец. Где отец, спрашиваю?!

– А ты на меня не ори, не на зоне! – повысила голос женщина, – За наследством приехали? Ишь, и бабу свою притащил с пацаном! – она громко кричала, размахивая руками, желая вытеснить Алика со двора.

Он не ударил ее, только стиснул стальным кольцом ее запястья.

Женщина замолчала, и что-то похожее на испуг отразилось в ее глазах.

– Ну! – произнес Алик, не разжимая рук.

– А чего, я и говорю, мамка померла, а отец...

– Говори, что отец? – По желвакам, играющим на его щеках, Аня видела, чего стоила мужу его сдержанность.

– Ну, посадили его. Да отпусти ты уже, – тихо произнесла сестра Алика, высвобождая руки.

– Как посадили? За что? – гнев его сменился удивлением.

– Ладно, пошли в дом, расскажу, старая история.

Они вошли в комнату. Грязные, засаленные стены, немые полы, и паутина на одинокой, тускло светившей лампочке. Как все изменилось за эти годы. А, может быть, это он сам изменился? Может быть, он попросту раньше всего этого не замечал?

– Так за что отца посадили? – Алик все еще прибывал в недоумении.

– Дак, он мамку убил, – как-то очень буднично сообщила ему сестра.

– Что?! – Он скорее поверит в то, что Клавдия отца убила.

– Ну, он сильно болел в последнее время, – она покрутила пальцем у виска, наглядно объясняя, чем именно болел его отец, – сны какие-то, орал по ночам, а утром проснется, бывало, и плачет. В церковь зачастил, все о душах загубленных молился. А зимой пошел дрова колотить. Мамка тогда уже ногами маялась, вынесла табуретку, присесть хотела. Он обернулся, а она с табуреткой идет. Уж не знаю, что ему там привиделось, а только закричал он, и ударил ее топором. Я выскочила, ужас, кровищи, а он так и стоит, как вкопанный, топор из рук не

выпускает, еле пальцы разжала, – женщина плакала, не вытирая глаз. Слезы текли по ее серым щекам и капали на стол, покрытый грязной, засиженной мухами, клеенкой. Она плакала как-то неестественно, без чувства. Просто вода текла из глаз.

Алик смотрел на эти капли и думал о том, как же не повезло этой несуразной женщине, его сводной сестре. А он, оказывается, счастливчик! Как хорошо, что его забрали тогда отсюда. Да уж лучше тюрьма, чем такое. И вдруг...

– А сколько тебе лет?

Ну, конечно, как он сразу не понял, ну никак не может она быть его сестрой.

Слезы высохли, как по команде. Алику показалось, что они высохли даже на клеенке. Женщина заметно постарелась.

– Ну, сорок два, и что?

– А то, что мне, «сестренка», тридцать восемь и ни у Клавдии, ни у моего отца никаких детей до меня не было, – чуть насмешливо произнес Алик, и уже другим тоном добавил:

– Сама все расскажешь или милицию позвать?

В глазах женщины отразился не испуг, а бесконечная усталость.

Казалось, она, наконец, сбросила с себя тяжелую ношу, и теперь может отдохнуть.

– Да не боюсь я милиции. Я вообще больше ничего не боюсь, – она произнесла эти слова как-то, очень буднично, обреченно, что ли.

– Ну, да, они взяли меня в дом прислугой. Только не хотели, чтобы соседи знали, вот и сказали, что я их дочь. А дом они мне отписали, все по закону. За то и работала на них. Дом отберете теперь? – и снова этот безразличный тон, будто это не ее могут выгнать на улицу, оспорив завещание.

Первой пришла в себя Аня. Поднявшись со стула, она подошла к сестре мужа.

– Никто ничего у тебя отбирать не станет. Как жила, так и будешь жить.

Алик, вышел во двор, закурил. Уже оттуда крикнул:

– Так отец же болен, наверное. Его не могли посадить.

– Не могли, а посадили. Мы же его сдавали в дурку, так они держать его там не стали, а выписали, как же им теперь-то признаться, что по их вине он мамку твою убил.

– Как он? Ты у него была?

– Да ему без разницы. Он как чурбан, меня узнал, а говорить не стал. И взгляд такой же, как когда он мамку твою зарубил.

– Да не мамка она мне!

Долго Алик молчал. После, как бы спохватившись, спросил:

– А чего живешь в грязи? Убралась бы, что ли? Ты же еще не старая женщина!

– А для чего убирать? – она безразличным взглядом обвела убогую обстановку. И вдруг, затараторила.

– Слушай, ну не к кому мне больше обратиться, может, выручишь, а? У меня дочка есть, семь лет, Светланка. Заберите ее к себе, – и, кивнув в сторону Ани, добавила:

– Она добрая у тебя, вырастит.

– А ты часом не того, «сестренка»? – Алик покрутил пальцем у виска,

– ты в своем уме?

– СПИД у меня, – бесцветно, еле слышно произнесла та, – пропадет девка. Она не больная, не беспокойся, это уже после я заразилась.

Алик недоверчиво взглянул на сестру.

– Ну, допустим. А папка ее где?

– В Караганде! – зло огрызнулась та.

Аня вмешалась в разговор. Для одного дня сюрпризов было более чем достаточно.

– Нам пора. Мы еще увидимся, – проговорила она, направляясь к двери и увлекая за собой мужа.

Возвращались они домой молча, переваривая события сегодняшнего дня.

Алик жалел отца, но, судя по всему, ему уже не поможешь. Да и не был он уверен в том, что хотел помочь. Клавдию он не жалел, нет. Она сломала жизнь им всем. К странной женщине, назвавшей его сестрой, он чувствовал жалость, она, по сути, такая же жертва, как и он сам.

Ночью, лежа рядом с женой в кровати и безуспешно борясь с бессонницей, он все же задал жене вопрос, не дававший ему покоя:

– Что будем делать с девчонкой? Надо бы забрать, ведь погибнет.

– Как ты решишь, так и будет. А я всегда хотела иметь дочь, спи, завтра рано вставать, – Аня поцеловала на ночь мужа. Как ей все же повезло с ним.

Вот так и случилось, что появилась у них в семье маленькая девочка.

Злобная, завистливая и вороватая. Светлана завидовала Вадике во всем, и ненавидела его, несмотря на все старания Ани.